

ГЛАВА 19. ФАКТОР КНР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Анализ внешней политики Пятой республики на китайском направлении, предлагаемый исследователями, нередко начинается с обоснованного тезиса о возрастающем влиянии КНР на современные международные отношения¹. Как представляется, даже продолжение пандемии *COVID-19* в целом не изменило подобного тренда. В докладе одной из влиятельных французских бизнес-ассоциаций отмечалось: «Рост китайской экономики остается очень сильным, даже несмотря на контекст кризиса. В октябре 2020 г. МВФ прогнозировал рост Китая в 2020 г. на уровне 1,9% и более чем 7% в год с 2021 по 2025 г. ...»².

Изучение внешнеполитического курса Парижа в отношении Пекина представляет интерес и по ряду иных причин, связанных с пониманием современности и истории собственно французской стратегии. Во-первых, установление дипломатических отношений с КНР в январе 1964 г. вопреки тогдашней позиции США стало одной из знаковых вех в развитии голлистской внешней политики³. Президент Э. Макрон, подчеркивая прагматизм Парижа, не раз в позитивном ключе упоминал это событие, отмечая его непреходящую значимость для современных франко-китайских отношений⁴. В этом смысле анализ текущей политики Франции на китайском направлении важен для оценки того, в какой мере «голлистско-миттерановское» внешнеполитическое наследие продолжает играть свою роль.

Второй вопрос связан с реагированием Парижа на общие изменения в международных отношениях. На фоне экспертных гипотез о формировании американо-китайской «биполярности 2.0.»⁵, можно ли говорить об определенном сходстве между действиями администрации Макрона на китайском направлении и традициями французской дипломатии на советском направлении в годы «холодной войны».

Наконец, третий вопрос, уже ставший классическим при изучении внешней политики Пятой республики, связан с выявлением преемственности и новизны во французской внешнеполитической стратегии. Привело ли избрание Э. Макрона к серьезным изменениям в отношениях Франции с КНР; можно ли говорить о рождении «новой французской внешней политики»⁶ или речь идет об «изменениях в рамках преемственности»⁷.

¹ Tzogopoulos G.N. Can Europe Restrain China's Influence? // BESA center. 30.10.2017 URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/europe-china-influence/> (дата обращения 30.06.2021).

² Comprendre les enjeux numériques pour accompagner le business en Chine // CIGREF. 2021, avril. P. 7. URL: <https://www.cigref.fr/wp/wp-content/uploads/2021/04/Cigref-Rapport-Comprendre-enjeux-numeriques-pour-accompagner-business-en-Chine-avril-2021.pdf> (дата обращения 15.12.2021).

³ Французский историк М. Вайс призывал, однако, не преувеличивать практического, в отличие от символического значения данного шага. – См.: *Vaïsse M. La grandeur: Politique étrangère du général de Gaulle*. P.: CNRS, 2013. P. 521.

⁴ Transcription du discours du Président de la République au palais de Daminggong // Présidence de la République, 09.01.2018 (далее – Discours de Daminggong, 09.01.2018). URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/01/09/transcription-du-discours-du-president-de-la-republique-au-palais-de-daminggong> (дата обращения 15.12.2021).

⁵ *Lisbonne de Vergeron K. The New Silk Roads: European Perceptions and Perspectives* // International Studies. 2018. Vol. 55. No. 4. P. 341.

⁶ Macron, Diplomat: A New French Foreign Policy? / Ed. by Th. Gomart, M. Hecker. P: IFRI, 2018.

⁷ Чернега В.Н. Внешняя политика Франции при президенте Макроне: изменения в рамках преемственности? // Проблемы европейской безопасности. 2018. №3. С. 64–86. Тезис о преемственности внешней политики Э. Макрона см. также: Обичкина Е.О. Дипломатия Эммануэля Макрона: «новый курс»? // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 140.

Основная цель главы – представить ключевые стратегические и дипломатические оценки Парижа в отношении КНР и определить, насколько они соотносятся с внешнеполитическими шагами Макрона. Анализ позволит сбалансировать нередко встречающуюся сосредоточенность экспертных работ на торгово-экономической повестке в контактах двух стран⁸. Хронологические рамки главы охватывают период от прихода Э. Макрона в Елисейский дворец в мае 2017 г. до достижения соглашения между ЕС и КНР об основных пунктах всеобъемлющего соглашения об инвестиционном сотрудничестве в декабре 2020 г. Этому соглашению, как свидетельствовали различные заявления президента Франции, придавалось не только торгово-экономическое, но и политическое значение, хотя позднее ЕП заморозил процесс его ратификации⁹.

Китай в оценках французских политиков, военных и дипломатов

В ноябре 2017 г. тогдашний глава Центра анализа, прогнозирования и стратегии Министерства Европы и иностранных дел Франции¹⁰ Ж. Вайс выделил две группы мнений среди политико-дипломатической элиты страны по вопросам взаимодействия с КНР. Представители первой из них, «реалисты-синофилы», стремились не антагонизировать Китай и не преувеличивать угроз для Франции, вытекающих из укрепления мощи КНР. Они подчеркивали наличие точек соприкосновения между Парижем и Пекином по вопросам миропорядка (мультилатерализм, развитие глобализации и др.); надеялись за счет поддержания контактов и диалога с «восточным гигантом» косвенно влиять на его политику в направлении умеренности. Сторонники второй группы «новых антиимпериалистов», напротив, подчеркивали экспансию китайских интересов не только в Азии, но и в других частях земного шара¹¹.

Характеризуя место КНР во французских стратегических и дипломатических оценках, нельзя не признать их двойственности. Растущий китайский рынок, увеличение численности среднего класса в структуре китайского общества, китайские инвестиции за рубежом – всё это привлекает французский бизнес, заинтересованный в наращивании экспорта в Китай и в получении оттуда доходов. Идеи, озвучиваемые руководством КНР в поддержку мультилатерализма и отказа от односторонних действий, перекликаются с повесткой дня, продвигаемой Э. Макроном. Речь Си Цзиньпина в Давосе 17 января 2017 г., проникнутая идеей о позитивной роли экономической глобализации, вызвала, по оценкам Э. Макрона, «огромные надежды со стороны тех, кто нацелен бороться против протекционизма»¹².

При этом укрепление мощи КНР вызывает не только рост уважения, но и новые опасения по поводу последствий этого процесса. Как видно из интервью, взятых А. Экман у представителей французского бизнеса в Шанхае и Пекине в 2018 г., последние склонны «подчас выражать свое восхищение китайскими экономическими достижениями, а также тем, что воспринимается ими как “эффективность” долгосрочного стратегического планирования Китая. Подобное восхищение

⁸ Ekman A. Political values in France-China relations, 2018: The start of a policy shift under Emmanuel Macron // Political values in Europe-China relations / T.N. Rühlig et al. (eds.). Stockholm: The Swedish Institute of International Relations, 2018. P. 36. Другой российский эксперт также подчеркивала, что экономическое сотрудничество является «центральной темой франко-китайских отношений». – См.: Зеерева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М.: «Канон+», 2014. С. 294.

⁹ Emmanuel Macron. 30.12.2020 / Twitter. URL: <https://twitter.com/EmmanuelMacron/status/1344318616314007553> (дата обращения 15.12.2021).

¹⁰ Для краткости далее обозначается как МИД Франции.

¹¹ Vaïsse J. Le passé d'un oxymore. Le débat français de politique étrangère // Esprit. 2017. Novembre.

¹² Discours de Damingsong, 09.01.2018.

разделяется некоторыми действующими или отставными политиками [Ж.-П. Раффареном, Д. де Вильпеном и др. – *И.М.*], позиция которых, по всей видимости, иногда расходится с текущей точкой зрения французского правительства»¹³. Идеи сотрудничества двух стран продвигает также Фонд Франция–Китай, основанный в 2012 г. группой дипломатов, предпринимателей и представителей творческой интеллигенции¹⁴.

Напротив, акцент на растущей мощи Китая, но воспринимаемой уже не с восхищением, а как риск и угроза, характерен для «Стратегического обзора обороны и национальной безопасности», подготовленного Министерством вооруженных сил (МВС) Франции в октябре 2017 г. В «Обзоре» КНР предстает как государство, укрепляющее свои ВС (китайская армия «в настоящее время в четыре раза превосходит армию Франции» и развивает высокотехнологичное оружие, в т.ч. истребитель 5-го поколения); наращивающее военно-политическое и торгово-экономическое присутствие в стратегических регионах (Индийский океан, Средиземноморье, Африка, Центральная Азия) и конкурирующее с Францией в сфере экспорта вооружений и доступа к ресурсам¹⁵. В докладе МВС «Франция и безопасность в зоне Индийского и Тихого океанов» (май 2019 г., обновленная версия доклада июня 2016 г.), акценты расставлены схожим образом, а основное внимание уделено региональным проблемам и потенциальным глобальным последствиям «восхождения» КНР¹⁶.

Что касается позиций бизнеса, сотрудничающего с Китаем, с одной стороны, и французских военных и разведки – с другой, как двух полюсах в оценках КНР, то программные выступления Э. Макрона, а также документы МИД Франции во многом комбинируют обе эти «крайности». Президент, как и глава МИД Ж.-И. Ле Дриан, не раз указывали, что сформированные после Второй мировой войны институты нередко не приспособлены для борьбы с разного рода дисбалансами и новыми рисками, возникающими в современном мире¹⁷. В этом смысле усиление Китая предстало одновременно вызовом и возможностью. Размышляя о современной ситуации в зоне Индийского и Тихого океанов, аналитики МИД Франции в августе 2018 г. отмечали как «наиболее поразительный феномен этого нового столетия» укрепление позиций Китая, который «все активнее участвует в классических многосторонних процессах, продвигая при этом собственное видение мира, примером чего в особенности является проект новых шелковых путей»¹⁸.

Тезис о том, что «Китай превратился во вторую мировую державу» был подчеркнут в «Стратегическом обзоре» 2017 г.¹⁹. Схожие идеи в июне 2020 г.

¹³ Ekman A. Op. cit. P. 37.

¹⁴ Seaman J., Julianne M. China's waning soft power in France // China's Soft Power in Europe: Falling on Hard Times. T. Dams et al (eds). The Hague: The Netherlands Institute of IR, 2021. P. 33.

¹⁵ Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017. P.: DICO, Bureau des Éditions, 2017. P. 25–27, 41, 43. URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements-archives/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (дата обращения 15.12.2021).

¹⁶ La France et la sécurité en Indopacifique. P.: DICO, Bureau des Éditions, 2019. P. 4. URL: <https://www.defense.gouv.fr/english/layout/set/print/content/download/532751/9176232/version/2/file/La%2BFrance%2Bet%2Bla%2Bs%25C3%25A9curit%25C3%25A9%2Ben%2BIndopacifique%2B-%2B2019.pdf> (дата обращения 15.12.2021).

¹⁷ Discours de Jean-Yves Le Drian (Pékin, 26.04.2019) // Ambassade de France en Chine. URL: <https://cn.ambafrance.org/Second-Forum-sur-les-nouvelles-routes-de-la-soie>; La doctrine Macron: une conversation avec le Président français // Le Grand Continent. 16.11.2020 (далее – La doctrine Macron). URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/11/16/macron> (дата обращения 15.12.2021).

¹⁸ Stratégie française en Asie-Océanie à l'horizon 2030. P.: Reprographie de La Courneuve/DIL, 2018. P. 3. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/livre_blanc-com-_fr-eng_cle876fb2-1.pdf (дата обращения 15.12.2021).

¹⁹ Revue stratégique... P. 42.

отражены и в аналитической справке по КНР, подготовленной в Центре документации французской Военной академии. Констатируя, что ключевые интересы КНР по-прежнему сосредоточены в ИТР, французские аналитики обратили внимание на уверенность китайского руководства в собственных силах, на стремительное развитие инструментов проецирования мощи (флот, авиация, киберразведка), полагая, что, в итоге, речь идет о стремлении изменить «мировой баланс сил в пользу Китая»²⁰. Еще более резко подобные настроения выразил в октябре 2018 г. тогдашний начальник штаба ВС Франции генерал Ф. Лекуэнтр. Выступая в Национальном собрании, он говорил не только о «китайском экспансионизме, который может стать агрессивным», но не исключал и того, что Франция может оказаться перед необходимостью противодействовать ему²¹.

Э. Макрон, как правило, предпочитал амбивалентность, подчеркивая, что укрепление мощи Китая не имеет запрограммированных последствий. Выступая 6 ноября 2019 г. в Пекине на закрытии Франко-китайского экономического форума, президент Франции, чей визит в КНР увенчался подписанием ряда крупных контрактов, отметил необходимость дальнейшего прогресса на торгово-экономическом треке²².

Обращаясь к иной аудитории по вопросам международной повестки дня, он высказывался о Китае более критично. Так, в программной речи в Сорбонне 26 сентября 2017 г. Э. Макрон призвал к разработке для стран еврозоны необходимой «экономической и политической стратегии на долгую перспективу», чтобы «понимать, как мы сможем сделать из этой зоны экономическую державу, способную конкурировать с Китаем и США...»²³. Схожий посыл о необходимости укрепления военно-политических возможностей ЕС содержался и в его призыве приступить к созданию «европейской армии» 5 ноября 2019 г.²⁴. Наконец, в речи перед выпускниками Военной академии 7 февраля 2020 г. Э. Макрон вновь сопоставил три внешних вызова, перед лицом которых, с его точки зрения, стоит Европа: «Для создания завтрашней Европы наши нормативные принципы не должны находиться под американским контролем, наша инфраструктура, порты и аэропорты – под контролем китайских капиталов, а цифровые сети – под российским давлением»²⁵. Президент Франции и в других случаях был склонен оценивать менявшуюся международную ситуацию в духе своеобразной «трехполярности»,

²⁰ Centre de documentation de l'École militaire (CDEM). Synthèse documentaire. Chine, juin 2020. P. 52–53, 58, 66. URL: https://www.dems.defense.gouv.fr/sites/default/files/2020-06/dossier_pays_chine_2020_0.pdf (дата обращения 15.12.2021).

²¹ Commission de la défense nationale et des forces armées. Audition du général François Lecointre / Assemblée nationale. 18.10.2018. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/comptes-rendus/cion_def/115cion_def1819015_compte-rendu# (дата обращения 15.12.2021).

²² Discours du Président de la République à l'occasion de la clôture du Forum économique franco-chinois // Présidence de la République. 06.11.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/11/06/discours-du-president-de-la-republique-a-l'occasion-de-la-cloture-du-forum-economique-franco-chinois> (далее – Discours, Forum économique franco-chinois, 06.11.2019) (дата обращения 15.12.2021).

²³ Initiative pour l'Europe – Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique // Présidence de la République. 26.09.2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (дата обращения 15.12.2021).

²⁴ Яковлев П.П. Макрон и европейская армия: геополитический контекст и международная реакция // Свет и тени «эры Макрона». Доклады Института Европы. № 362. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 60.

²⁵ Discours du Président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'école de guerre // Présidence de la République. 07.02.2020 (далее – Discours, École de guerre, 07.02.2020). URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/07/discours-du-president-emmanuel-macron-sur-la-strategie-de-defense-et-de-dissuasion-devant-les-stagiaires-de-la-27eme-promotion-de-lecole-de-guerre> (дата обращения 15.12.2021).

ключевыми акторами в которых представляли США, КНР и ЕС. В ноябре 2020 г., говоря о «стратегической автономии» ЕС, он подчеркивал: «Мы должны обеспечить свою автономию так же, как Соединенные Штаты и Китай сделали это для себя»²⁶.

Двойственность французских оценок в отношении КНР сохранялась в условиях пандемии COVID-19 при нарастании негативных тенденций в виде настороженности и опасений. В экспертной публицистике, а также в официальных материалах МВС укрепилась тема вызова, который Китай бросает западным странам не просто по отдельным вопросам, а выдвигая собственные правила международной игры (т.н. «пекинский консенсус» или «сино-глобализация»), особенно – в контексте инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП)²⁷. Примечательным было также педалирование угрозы релятивизации либеральных ценностей, в которой Э. Макрон обвинял Китай наряду с Россией²⁸, призывы к сотрудничеству «одинаково мыслящих стран» (в т.ч. Франции и Японии)²⁹. В обновленной версии «Стратегического обзора» 2021 г. говорилось о том, что «на протяжении трех последних лет Пекин развил активную и агрессивную дипломатию, осуществлял действия по влиянию на глобальном уровне, усилил свою активность в сфере шпионажа, получения технологий, использовал экономический и промышленный вес [для продвижения своих интересов. – И.М.] и, наконец, продемонстрировал решимость в военной сфере»³⁰.

Общий фон взаимоотношений Франции и КНР в 2020 г. обостряла неприятно обнаружившаяся для Парижа зависимость европейских стран от поставок из Китая ряда медицинских материалов и стремление Пекина использовать это обстоятельство («масочная дипломатия»). Высокая медийная активность посольства КНР во Франции весной 2020 г., связанная, среди прочего, с критикой образа Китая, сложившегося во французских СМИ, с резкими высказываниями в адрес западных мер по борьбе с коронавирусом, а также продвижение дипломатией КНР теории о возможном происхождении COVID-19 из США вызвали негативные реакции как в МИД Пятой республики, так и во французском обществе³¹. Имидж Китая серьезно ухудшала также проблематика прав человека (ситуация в Синьцзяне, Гонконге и др.), к которой традиционно чувствительны французы. Критике подверглась и закрытость Пекина в рамках расследования истоков пандемии.

КНР как партнер Франции

Рассмотренные выше общие концептуальные положения служили одновременно отражением и ориентиром в развитии реальных стратегических и политических франко-китайских отношений. По ряду важных вопросов Китай выступал партнером Франции. Серьезная обеспокоенность руководства Пятой республики появлением ядерного оружия (или угрозой его появления) у новых держав сочеталась с попытками Парижа заручиться поддержкой Пекина в деле укрепления режима нераспространения оружия массового уничтожения.

В ходе визита в КНР в январе 2018 г. Э. Макрон одобрил китайские действия в СБ ООН по введению санкций против КНДР, добавив, что «ожидает многого

²⁶ La doctrine Macron. Ibid.

²⁷ CDEM. Synthèse documentaire. P. 57.

²⁸ La doctrine Macron. Ibid.

²⁹ Delamotte G. Dealing with China: A European Perspective // Asia-Pacific Review. 2020. Vol. 27. No. 2. P. 117.

³⁰ Actualisation stratégique 2021. P. 21. URL: <https://www.defense.gouv.fr/content/download/604385/10165550/file/REVUE%20STRAT%202021%2004%2002%202021%20FR.pdf> (дата обращения 15.12.2021).

³¹ *Julienne M.* France: Between healthcare cooperation and political tensions with China amid Covid-19 // Covid-19 and Europe-China Relations: A country-level analysis / J. Seaman (ed.). P.: IFRI, 2020. P. 22-24.

от Китая, который располагает серьезными рычагами воздействия на Северную Корею»³². Но через два года один из французских экспертов смотрела на ситуацию более пессимистично, считая, что Китай «мог склонить Северную Корею следовать Договору о нераспространении, однако он не сделал этого»³³. Тем не менее поддержка со стороны Пекина была важна для французских усилий по ряду других международных досье, в т.ч. для спасения «ядерной сделки» с Ираном. Попытки Франции выступить посредником между США и Ираном во время визита Ж.-И. Ле Дриана в Тегеран в марте 2018 г. не привели, однако, к результатам³⁴. Последующие события (выход из «сделки» США и постепенный отказ от нее Ирана) сделали перспективы сохранения Совместного всеобъемлющего плана действий еще менее обнадеживающими. Тот факт, что китайские власти не вышли из Парижского соглашения по климату 2015 г., не раз был отмечен Э. Макроном как положительное явление³⁵. Заявление китайской стороны в сентябре 2020 г. о готовности снизить выбросы CO² до 2030 г. и достичь «углеродной нейтральности» к 2060 г. были позитивно восприняты в Париже³⁶.

В целом, руководство Пятой республики отнюдь не против заручиться дипломатической и финансовой поддержкой Пекина по различным инициативам Франции на международной арене. Так, в плане развития отношений между Францией и КНР от 6 ноября 2019 г.³⁷ среди прочего говорилось о возможности синергии между инициативой Пекина ОПОП и стратегией ЕС о связывании Европы и Азии (сентябрь 2018 г.). Речь также шла о желательном развитии совместных, франко-китайских проектов не только в Азии, но и в Африке.

Опасения французского руководства в отношении Китая

За «округленными» дипломатическими формулировками нередко скрывались более острые «углы». Оставалось неясным, на чьих «правилах» будет строиться предполагаемое сотрудничество, и кто будет играть в нем главную роль. Помимо противоречий по ряду международно-политических вопросов, даже торгово-экономические отношения отнюдь не являются сбалансированными. Помимо недовольства собственно торгово-экономической и финансовой политикой КНР (колоссальный профицит Китая в торговле с Францией – около 30 млрд евро в 2018 г., сложности с охраной «интеллектуальной собственности» и др.), Париж опасался политических последствий роста китайского экономического присутствия в Европе.

Одним из наиболее заметных проявлений подобных опасений стала поддержка Парижем предложений на уровне ЕС, которые привели 10 апреля 2019 г. к заявлению главы ЕК Ж.-К. Юнкера о начале формирования механизма по отслеживанию иностранных инвестиций в стратегических секторах экономики (энергетика, инфраструктура, цифровые данные и др.). Растущая «секьюритизация» (восприятие под углом безопасности) китайского присутствия в Европе проявлялась

³² Discours de Daminggong, 09.01.2018.

³³ Delamotte G. Op. cit. P. 111.

³⁴ Leroux V., Ghazi S. Iran rebuffs French FM demands to curb missiles on Tehran visit // The Times of Israel. 05.03.2018. URL: <https://www.timesofisrael.com/iran-rebuffs-french-fm-demands-to-curb-missiles-on-tehran-visit/> (дата обращения 15.12.2021).

³⁵ Discours, Forum économique franco-chinois. 06.11.2019.

³⁶ Macron s'entretient avec Xi Jinping du climat cinq ans après l'Accord de Paris // Le Figaro. 09.12.2020..

³⁷ Plan d'action pour les relations franco-chinoises // Présidence de la République. 06.11.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/11/06/plan-daction-pour-les-relations-franco-chinoises> (дата обращения 15.12.2021).

в вопросе о создании мобильных сетей пятого поколения (5G)³⁸, на что Э. Макрон обратил особое внимание в речи перед выпускниками Военной академии 7 февраля 2020 г., отнеся сети 5G к «стратегической инфраструктуре»³⁹. Подобные аллюзии и скрытые опасения были характерны и для «Стратегического обзора»⁴⁰. Эксперты писали, что с предложениями о контроле за китайскими инвестициями Э. Макрон выступил уже в июне 2017 г., на первом Европейском совете, в котором он принял участие в качестве президента Франции⁴¹. Хотя в отмеченном выше заявлении Ж.-К. Юнкера важную (если не определяющую) роль сыграла позиция Берлина, дипломатия Э. Макрона на китайском направлении отражала стремление «выступать в роли представителя всего ЕС»⁴².

Характерным примером в этом смысле стала подготовка к визиту Си Цзиньпина во Францию в марте 2019 г. Совместное заявление ЕК и Европейской службы внешних связей от 12 марта было призвано подчеркнуть единство стран ЕС, а также жесткость их подхода. В документе Китай был назван «системным противником, развивающим альтернативные формы управления», – «беспрецедентная» формулировка, согласно исследователям⁴³.

Во время пребывания председателя КНР в Париже Э. Макрон 25 марта организовал совместную встречу с участием А. Меркель и Ж.-К. Юнкера, вновь демонстрируя свое желание выступить лидером всего ЕС. В период визита в КНР в ноябре 2019 г. Э. Макрон надеялся снова разыграть карту «европейского единства», взяв с собой тогдашнего еврокомиссара по вопросам сельского хозяйства Ф. Хогана и министра образования и научных исследований Германии А. Карличек. Примечательно, однако, что президент Франции считал возможным тогда же публично намекнуть на соперничество с немецким бизнесом на китайском рынке. Сравнивая французов «с нашими соседями-друзьями, иногда и конкурентами, немцами», Э. Макрон находил разрыв в уровне развития торговых связей КНР с ФРГ и Францией «необъяснимым»⁴⁴.

Вместе с тем на фоне ряда внешнеполитических разногласий Франции и Германии «китайский вопрос» всё же рассматривается экспертами как поле довольно плодотворного сотрудничества двух стран: «Берлин и Париж скоординировали свои действия таким образом, чтобы [инвестиционное] соглашение ЕС–Китай было заключено в период председательства Германии [в Совете ЕС], а ратифицировано в период председательства Франции в 2022 г.»⁴⁵. Присутствие Э. Макрона на видеоконференции 30 декабря 2020 г., когда было достигнуто согласие по основным пунктам всеобъемлющего соглашения об инвестиционном сотрудничестве, свидетельствовало о желании Германии

³⁸ Godement F., Vasselier A. China at the Gates: A New Power Audit of EU-China Relations. L.: European Council on Foreign Relations, 2017. P. 46.

³⁹ Discours, École de guerre, 07.02.2020; Французские власти обязали операторов 5G, действующих на территории страны, отказаться от оборудования китайской компании «Хуавэй» к 2028 г. – *Cannone A. et al. Accord UE-Chine: L'UE rassure les investisseurs au mépris des droits humains. Note de décryptage AITEC–ATTAC France. 2021. Avril. P. 11. URL: http://aitec.reseau-ipam.org/IMG/pdf/accord_ue_chine_-_rapport_vfin.pdf (дата обращения 15.12.2021).*

⁴⁰ *Revue stratégique. P. 46–47.*

⁴¹ *Pothier F. Macron, l'américain? // Survival. 2018. Vol. 60. No. 3. P. 110.*

⁴² *Рубинский Ю.И. Франция: мини- или макси-кризис? // Свет и тени «эры Макрона». Там же. С. 43.*

⁴³ *Brattberg E., Le Corre Ph. The EU and China in 2020: More Competition Ahead // Carnegie endowment. 19.02.2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/02/19/eu-and-china-in-2020-more-competition-ahead-pub-81096> (дата обращения 15.12.2021).*

⁴⁴ Discours, Forum économique franco-chinois, 06.11.2019.

⁴⁵ *Kempin R. Conclusions // France's Foreign and Security Policy under President Macron: The Consequences for Franco-German Cooperation / Ed. by R. Kempin. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2021. P. 46.*

подчеркнуть взаимодействие с Францией. Приглашение именно Э. Макрона нельзя было объяснить с формально-юридической точки зрения, что вызвало недовольство в Италии, также претендующей на один из лидирующих голосов в ЕС⁴⁶. Франко-германский тандем приобретал во взаимодействии с КНР дополнительное значение ввиду активных попыток самого Пекина закрепить финансово-экономическое и политическое влияние в странах ЦВЕ и Юго-Восточной Европы (формат «17+1», ныне – «16 + 1» ввиду выхода из него Литвы), что настороженно воспринимали в Париже.

Дальнейшее развитие торгового и инвестиционного сотрудничества в Европе, как и взаимодействие Франции и КНР в Африке, о котором обтекаемо говорилось в официальных документах, на деле реализуется с трудом. Так, детальный анализ китайской активности в Нигере – одном из государств традиционной «сферы влияния» Франции в Африке – продемонстрировал, что Париж и Пекин, скорее, выступают конкурентами, нежели партнерами: проект ОПОП «очевидным образом укрепил экономическое и политическое присутствие [КНР] в этой стране в особенности – за счет Франции»⁴⁷. Особую обеспокоенность в Париже вызывает присутствие китайского ВМФ на стратегически важном перекрестке в Джибути, где имеется и французская военная база.

КНР и трансформации многополярного мира

Возрастающее влияние КНР на международные отношения, а также дальнейшее нарастание китайско-американской напряженности склоняло ряд французских политиков к анализу перспектив новой биполярности, беспокоящих Париж. Э. Макрон полагал, что «глобальное соперничество, начатое между США и Китаем, является доказанным фактом, который структурирует и будет структурировать отныне международные отношения»⁴⁸. В ноябре 2020 г. он вновь подчеркнул, что «стратегическая автономия» ЕС, а также «подлинное партнерство Европы и Африки» должны позволить европейским странам не стать разменной монетой в игре США и КНР⁴⁹. Схожими целями была проникнута программа председательства Франции в Совете ЕС в 2022 г., в которой, однако, был замечен больший уклон в сторону сотрудничества с США по вопросам выстраивания отношений с Китаем, чем ранее⁵⁰. Формирование эвентуальной «новой биполярности» или трехполярности, если добавить ЕС к США и КНР, создавало как риски, так и своеобразные возможности для французской дипломатии, отчасти схожие с существовавшими в годы «холодной войны». Потенциальная договоренность Вашингтона и Пекина напоминала давнюю угрозу советско-американского «кондоминиума». Нарастание трений между США и КНР могло создать и определенную свободу маневра, которой Франция пользовалась в свое время во взаимодействии с СССР.

Тайминг европейской договоренности по инвестиционному соглашению с Китаем, достигнутой именно в декабре 2020 г. (после победы Дж. Байдена на президентских выборах в США, но до его вступления в должность), по-разному трактуется исследователями, но две основные трактовки схватывают логику

⁴⁶ Cannone A. et al. Op. cit. P. 11.

⁴⁷ Cabestan J.-P. Beijing's 'Going Out' Strategy and Belt and Road Initiative in the Sahel: The Case of China's Growing Presence in Niger // Journal of Contemporary China. 2019. Vol. 28. No. 118. P. 593.

⁴⁸ Discours, École de guerre, 07.02.2020.

⁴⁹ La doctrine Macron.

⁵⁰ Relance, puissance, appartenance. Le programme de la présidence française du Conseil de l'Union européenne. P. 17 // Présidence française du Conseil de l'Union européenne, 09.12.2021. URL: https://presidence-francaise.consilium.europa.eu/media/zeqny1y5/fr_programme-pfue-v2-5.pdf (дата обращения 15.12.2021).

своеобразной трехсторонней игры. Одни авторы видят в этой договоренности стремление Брюсселя, Парижа и Берлина не допустить «фактического формирования китайско-американской G2»⁵¹, другие (и данная версия видится более убедительной) намекают на то, что Пекин, пойдя на сделку, отошел от предыдущей тактики на затягивание времени⁵². При подобном прочтении можно говорить о готовности КНР пойти на небольшие (нередко символические) уступки ЕС в контексте укрепления трансатлантических связей при Байдене.

Фактор КНР и французская политика в Индо-Тихоокеанском регионе

Подход Э. Макрона к выстраиванию отношений с КНР не сводился к «трехполярной» логике. Президент Франции, известный своей приверженностью «гибкому минилатерализму»⁵³, принимавшему на практике форму различных межгосударственных комбинаций *ad hoc*, стремился усилить позиции Франции во взаимодействии с Китаем за счет региональных противовесов Поднебесной.

Исследователи склонны подчеркивать преемственность в нарастании внимания Парижа к Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР), понимаемому как «континуум безопасности, протянувшийся от Джибути до Французской Полинезии»⁵⁴, как минимум, с 2016 г. Растущая, пусть и ограниченная по абсолютным масштабам, вовлеченность Франции в дела ИТР коррелировала с усугублением франко-китайских противоречий. Показательным был инцидент в апреле 2019 г., когда проход французского разведывательного фрегата «Вандемьер» через Тайваньский пролив вызвал протест официального Пекина. Китай не только направил свои корабли для сопровождения «Вандемьера», но и обвинил Францию в нарушении границ территориальных вод КНР⁵⁵.

Конкретные позиции Пекина по ряду важных международно-политических вопросов в ИТР также вызвали недовольство Парижа. Французские политики и военные не раз критиковали попытки «милитаризации» Китаем территорий в Южно-Китайском море. В мае 2019 г. МВС Франции отмечало, что масштабные работы по созданию насыпных территорий и милитаризация островных архипелагов в Южно-Китайском море «изменили статус-кво и усилили напряженность». Потенциальные последствия этого кризиса выйдут далеко за пределы региона, являющегося стратегическим перекрестком – ведь через него проходит треть мировой торговли⁵⁶. Российские исследователи отмечали: «Активно включившись в дела Южно-Азиатского региона, Макрон явно не сразу определился со своими приоритетами, проявив некоторую непоследовательность в отношениях с входящими в него соперничающими странами»⁵⁷. Вместе с тем французская линия на осторожное сдерживание Китая в Юго-Восточной Азии имеет тенденцию к закреплению.

Одним из важных элементов этой политики должна была стать «ось Париж–Дели–Канберра», о которой Макрон говорил в своей речи 2 мая 2018 г. в Сиднее. Он считал эту «ось» «ключевой для региона», полагая, что ее образование должно

⁵¹ Cannone A. et al. Op. cit. P. 9.

⁵² Godement F. Chine: les répliques de l'Europe. P.: Institut Montaigne, 2020. P. 13, 18, 42.

⁵³ Major C. France's Security and Defense Policy under President Macron – Pragmatic, Ambitious, Disruptive // France's Foreign and Security Policy under President Macron. P. 12.

⁵⁴ Grare F. Exploring Indo-Pacific Convergences: The Australia-France-India Trilateral Dialogue // The Washington Quarterly. 2020. Vol. 43. No. 4. P. 159.

⁵⁵ Guibert N., Pedroletti B. Tensions entre la France et la Chine après le passage de la frégate «Vendémiaire» dans le détroit de Taïwan // Le Monde, 26.04.2019..

⁵⁶ La France et la sécurité en Indopacifique. P. 4.

⁵⁷ Зуева К.П., Тимофеев П.П. Внешняя политика президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 12. С. 89.

усилить позиции Франции в диалоге с КНР⁵⁸. Состоявшаяся 9 сентября 2020 г. в формате видеоконференции первая трехсторонняя встреча на уровне министров иностранных дел Индии, Австралии и генерального секретаря МВС Франции рассматривалась Ф. Граром, экспертом и бывшим главой Азиатского бюро Стратегического управления МВС Франции, как сближение трех стран. Ф. Грар подчеркивал, что двумя ключевыми факторами этого процесса стали обоюдное желание «регулировать процесс роста Китая, сохранив мир и сотрудничество» и «стремление дистанцироваться от последствий китайско-американской вражды»⁵⁹. Однако формирование в сентябре 2021 г. трехстороннего пакта *AUKUS* (США, Великобритания, Австралия) нанесло серьезный удар по концепции Парижа. Вице-председатель комиссии Сената по иностранным делам, обороне и вооруженным силам П. Аллизар (партия «Республиканцы») даже полагал, что пакт произвел «стратегический переворот, который может нарушить стабильность во всем ИТР»⁶⁰. Вместе с тем последующие оценки ряда французских деятелей стали более сдержанными.

Разрабатывая стратегию действий в отношении Китая, Париж, безусловно, не забывал и о России. Влияние «российского фактора» на эту стратегию двойственное. С одной стороны, как отмечалось выше, Э. Макрон был склонен рассматривать КНР и Россию как близкие друг другу державы, бросающие вызов либеральному порядку. Согласно оценке 2019 г. экспертов по вопросам европейской безопасности, «со стратегической точки зрения, французское восприятие дихотомии между угрозами на “южном фланге” (терроризм и нестабильность) и на “восточном фланге” (напористость России) – притом, что приоритет отдавался первой из них – постепенно ставится под вопрос самой Москвой...»⁶¹. В феврале 2020 г. Э. Макрон говорил о зависимости безопасности Франции от возможностей проводить «более автономную политику в отношении наших соседей, как на Востоке, так и на Юге»⁶².

Вместе с тем президент Франции видел в попытке нормализации отношений с Россией (по крайней мере, по ряду вопросов) возможность расширить свободу маневра во взаимодействии с КНР и отчасти – способ ослабить дипломатические позиции Пекина. Анализ программных заявлений Э. Макрона – речи на конференции послов Франции (27 августа 2019 г.) и интервью британскому журналу «Экономист» (7 ноября 2019 г.) – привел бывшего французского посла в России Ж. де Глиниасти к выводу, что цель Э. Макрона – «сделать Европейский Союз “субъектом” истории, а не “охотничьими угодьями”, за которые будут соперничать или которые даже будут делить между собой Китай и Соединенные Штаты»⁶³. Достижение этой цели он видел возможным только через нормализацию отношений с Москвой.

Новый поворот в развитии Украинского кризиса, произошедший 24 февраля 2022 г., еще более обострил вызовы, стоящие перед китайской политикой Парижа. Вероятно, Франция будет продолжать попытки балансировать между США и КНР, делая новый акцент на достижении «стратегической автономии» ЕС. В принятом в марте 2022 г. по французской инициативе документе ЕС – т.н. «Стратегическом компасе» по безопасности и обороны – Китай вновь описывался одновременно как партнер, и как «экономический конкурент и системный противник», с которым

⁵⁸ En Australie, Macron vante les vertus d'un axe indo-pacifique // Les Echos. 03.05.2018.

⁵⁹ Grare F. Op. cit. P. 156.

⁶⁰ Comptes rendus de la Commission des affaires étrangères, de la défense et des forces armées / Sénat, 22.09.2021. URL: <https://www.senat.fr/compte-rendu-commissions/20210920/etran.html> (дата обращения 15.12.2021).

⁶¹ Pannier A., Schmitt O. To fight another day: France between the fight against terrorism and future warfare // International Affairs. 2019. Vol. 95. No. 4. P. 915.

⁶² Discours, École de guerre, 07.02.2020.

⁶³ Глиниасти Ж. де. Политика президента Макрона в отношении России (февраль 2020 г.). С. 5. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16755.pdf> (дата обращения 15.12.2021).

необходимо поддерживать диалог, «когда это отвечает нашим интересам»⁶⁴. Не исключено, что Париж попытается осторожно сблизиться с КНР, ослабляя китайско-российские связи. В беседе с Си Цзиньпином 16 февраля Э. Макрон указал на «напряженную и турбулентную международную ситуацию» и подчеркнул, что «Франция надеется еще больше работать вместе с Китаем в целях углубления полноценного стратегического партнерства»⁶⁵. За пять дней до этого министр экономики Б. Ле Мэр более явно говорил о своеобразной логике «треугольных отношений» ЕС, КНР и России, задавая вопрос: «Хотим ли мы, чтобы Россия была полностью связана с Китаем, или мы хотим, чтобы она находилась где-то между Китаем и Европой?»⁶⁶.

Оценивая промежуточные итоги французской дипломатии во взаимодействии с КНР в свете трех вопросов, поставленных во введении, можно прийти к следующим выводам.

Многие из концептуальных заявлений французского руководства в 2017–2020 гг., а также отдельные внешнеполитические шаги укладываются в голлистскую логику и призваны подчеркнуть глобальные интересы Франции. Проявления голлистского наследия применительно к франко-китайским отношениям носят при этом специфический характер. Если Ш. де Голль пошел наперекор США в осторожном сближении с КНР, то при президенте Э. Макроне Франция, скорее, отдалялась от Китая и осуществляла осторожный дрейф в сторону укрепления трансатлантических отношений после прихода Дж. Байдена к власти в США. История с *AUKUS* нанесла удар по текущему франко-американскому взаимодействию в ИТР, но вопрос, насколько долгосрочным окажется такое негативное воздействие, остается открытым. В феврале 2022 г. эксперты, близкие к военным кругам Франции, подчеркивали желательность укрепления сотрудничества между НАТО и ЕС по вопросам взаимодействия с Китаем, хотя и считали опасным какие-либо попытки расширить сферу ответственности НАТО на ИТР⁶⁷.

В этом смысле для ряда действий Э. Макрона были отчасти применимы голлистские традиции, характерные для отношений не с КНР, а с СССР времен «холодной войны». Париж рассматривает сценарий формирования эвентуальной американо-китайской биполярности как негативный и рассчитывает, укрепляя единство ЕС, избежать превращения своих интересов в разменную карту конфликтного взаимодействия Вашингтона и Пекина. Вместе с тем, как голлистское руководство, являясь неотъемлемой частью Запада, стремилось поддерживать в определенном смысле «особые» отношения с СССР, так администрация Э. Макрона отнюдь не стремится закрывать двери в своем сотрудничестве с КНР

⁶⁴ Une boussole stratégique pour renforcer la sécurité et la défense de l'UE au cours de la prochaine décennie. P. 8, 43 / Conseil de l'UE, 21.03.2022. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/fr/pdf> (дата обращения 30.03.2021).

⁶⁵ Xi Jinping Speaks with French President Emmanuel Macron on the Phone / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. 16.02.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202202/t20220217_10643016.html (дата обращения 30.03.2021).

⁶⁶ Cohen R., Kramer A.E. Macron Tries to Avert a European War and Reshape European Security // The New York Times, 06.02.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/06/world/europe/ukraine-russia-macron.html> (дата обращения 30.03.2021).

⁶⁷ Haroche P., Quencez M. L'OTAN face à la Chine: réponses et adaptations / Institut de Recherche Stratégique de l'Ecole Militaire, 04.02.2022. URL: <https://www.irsem.fr/media/5-publications/nr-conjointe-02-2022-otan-chine-haroche-quencez-v2.pdf> (дата обращения 30.03.2021).

и не желает превращать европейско-китайское взаимодействие в жертву антагонизма «сверхдержав».

Во внешней политике Франции на китайском направлении в 2017–2020 гг. можно обнаружить элементы преемственности как с периодом президентства Н. Саркози (активные торгово-экономические контакты при конфликтности из-за «тибетского вопроса»), так и Ф. Олланда, отмеченного ростом внимания Парижа к ИТР. Фигура бывшего министра вооруженных сил Ж.-И. Ле Дриана, переместившегося в МИД, также является определенным воплощением этого континуитета, к чертам которого можно отнести сохранявшуюся амбивалентность действий и оценок Парижа в отношении Китая. Последний одновременно предстает и потенциальным партнером, и государством, способным нанести ущерб интересам Франции и ЕС.

Более или менее осторожно можно говорить о понижательном тренде во французском восприятии КНР, который грозит продолжиться в случае укрепления трансатлантических отношений. При росте напряженности в паре Вашингтон–Пекин Франция с новой остротой может оказаться не только перед проблемой сохранения голлистских традиций в меняющемся мире, но и соответствия между ее реальными ресурсами и возможностями, с одной стороны, и отстаиванием глобальных интересов – с другой. Как показала история с *AUKUS*, значим для Парижа и риск того, что США будут мало считаться с французскими интересами в ИТР и ставить Францию перед лицом свершившегося факта. Внешнеполитическое балансирование Пятой республики в ИТР будет серьезным образом зависеть не только от качества и компетенции французской дипломатии, но и от дальнейшей эволюции миропорядка.

Контекст, возникший после 24 февраля 2022 г., осложняет достижение внешнеполитических задач Парижа. Сближение с США на фоне противостояния с Россией может затруднить попытки Франции обеспечить «стратегическую автономию» ЕС, дистанцироваться от борьбы США и КНР и выступить посредником в урегулировании Украинского кризиса. Вместе с тем осторожное сближение с КНР по ряду вопросов обретает дополнительную ценность для Парижа как инструмент ослабления китайско-российских связей.